

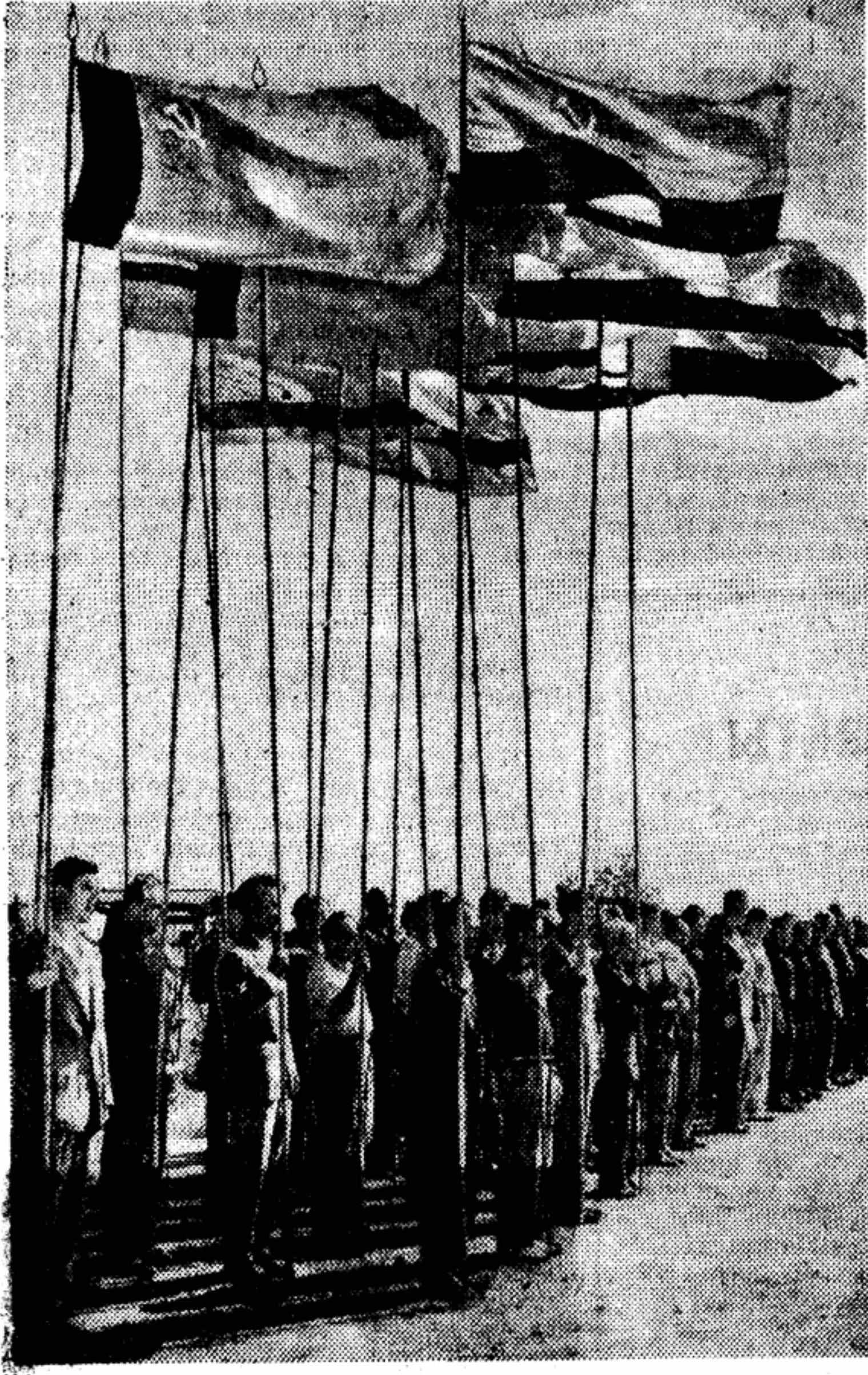
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 100 (4066)

Четверг, 13 августа 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Вторая спартакиада народов СССР. На стрелковом стенде спортивного общества «Ленинград» проводится соревнование в стрельбе по летящим мишеням. На сцене: парад участников соревнований. Фото И. Нулашова

В ФИНАЛЕ—8000

В ИНТЕРЕСЕ ко Второй спартакиаде народов СССР можно судить по одной такой детали: 785 представителей центральных и республиканских газет, журналов, редакций радиовещания и телевидения, иностранных корреспондентов освещают ход этих соревнований. По своим масштабам спартакиада — самое грандиозное спортивное мероприятие в мире. Подготовка к ней началась еще в прошлом году с массовых состязаний в коллективных физкультурных районах и городах. Они привлекли свыше 40 миллионов человек. И вот 8 000 лучших спортсменов пятнадцати союзных республик собрались в столице.

В эти дни всенародного зрелища спортивных достижений не лишним будет еще раз вспомнить о замечательных победах нашей молодежи на XVI Олимпийских играх, триумфальный успех на VII зимних Олимпийских играх в Кортине Д'Ампеццо и совсем недавно победу советских легкоатлетов, выигравших во второй раз мату у сильнейшей команды мира — США. Каждый «болельщик» не может не порадоваться тому, что москвич Василий Кузнецов дважды поразил спортивный мир своими рекордными достижениями в десятиборье. Первые результаты спартакиады говорят о том, что советский спорт продолжает свое движение вперед. Одним из достижений является успех молодежи и заметно возросший уровень мастерства спортсменов ряда союзных республик.

В нынешней спартакиаде среди участников финальных соревнований — представители 43 национальностей. Таджик Ибрагим Хасанов стал чемпионом Советского Союза... в байдарочной гребле! В гонке на 10 километров он на 24 секунды обошел призеров европейских и мировых чемпионатов. Победа Хасанова вдвойне ценнее, если учесть, что она достигнута всего лишь за два года тренировки.

Вторая сенсация спартакиады — необычный успех легкоатлета Казахстана Олега Югая. Он прыгнул в длину на 7 м 56 см. Впервые в истории легкой атлетики казах стоял на пьедестале почта призеров чемпионата СССР. Отлично себя зарекомендовал в беге на короткие дистанции еще один казах — Амин Туников. В третий раз стал чемпионом СССР в гребле на байдарке-четверке карел Константин Назаров. Большую славу завоевал уйгур Махмуд Умаров — чемпион мира по стрельбе из пистолета.

Любопытно отметить два возрастных рекорда: самой юной участнице спартакиады литовке Лайме Балайшите всего 11 лет. Она уже мастер спорта. Старейшему участнику спартакиады — 77 лет. Это оружейный мастер из Риги Виктор Иосифович Лапчинский, защищающий спортивную честь республики по стендовой стрельбе.

...Спартакиада — в разгаре. Есть все основания ожидать новых побед, новых достижений.

Г. ЕЛЕНСКИЙ,
судья всесоюзной категории

А. ДЕБОРИН,
инженер

НАУКА И ПРЕДВИДЕНИЕ БУДУЩЕГО

ИСТОРИЧЕСКИ возникший разрыв между естествознанием и общественными науками не мог быть преодолен буржуазными мыслителями. Философы и социологи заочно не в состоянии были открыть закономерности общественно-исторического развития человечества. В области же естественных наук в эпоху быстрого развития производительных сил капитализма буржуазная наука сделала огромные успехи. Это обстоятельство повлекло за собой порочную теорию, будто только естественные науки суть подлинно наука, отличающаяся строгостью точности своих выводов и позволяющая предвидеть события. Что же касается наук общественных, то они, по мнению буржуазных ученых, не могут считаться науками в подлинном смысле слова, так как этим наукам якобы не под силу познание каких-либо закономерностей.

Подобные теории защищаются и поныне многими учеными буржуазного мира. Такую мысль проводит, например, в своей книге «Предвидение будущего» Дж. Томсон, крупный английский физик, член королевского общества и лауреат Нобелевской премии, утверждая, в частности, что представления в области общественных наук «не выходят за рамки догадок». По нашему мнению, такое пребрешение к общественным наукам, свойственное и многим другим естествоиспытателям, объясняется их недостаточным знакомством с этими науками. Недаром же Томсон считает, что социологи «еще предстоит обрести своего Ньютона, не говоря уже о Платоне».

Однако не только разного рода ложные концепции, пропагандируемые в буржуазном обществе (в том числе и в среде естествоиспытателей), вызывают потребность выявить взаимное отношение общественных и естественных наук. Эта потребность особенно остро предстала перед нами в эпоху грандиозных успехов естественных и технических наук в социалистическом обществе. «Не грозит ли эти успехи «загнать» собою значение и роль общественных наук?», — приходится иногда слышать опасливые замечания от иных не в меру восторженных поклонников чудес «природы естества». Такие взгляды — антинаучное и опасное явление, против которого надо вести серьезную борьбу. Вот почему и нужно, думаем нам, поговорить об этой неправильной концепции, хотя книга Дж. Томсона давно уже не новинка.

Философы-материалисты, естествоиспытатели до Маркса исходили в своих исследованиях из учения об определяющем воздействии природы на человека. Но только марксизм совершил переворот и в этой области, раскрыв вторую сторону взаимоотношения природы и человека, а именно: воздействие человека на природу. Кстати, заметим, что и животные, а равно и растительный мир также воздействуют на природу, но преобразовывают, переделывают, сознательно и целенаправленно изменяют природу только человек.

В ПРОЦЕССЕ производства объединены в качестве субъекта человека и в качестве объекта — природа. Производство, учит Маркс, есть присвоение индивидом предметов природы внутри и посредством определенной общественной формы. Люди могут воздействовать на природу, присваивая ее продукты, только ставшись в процессе производства в определенные общественные отношения между собой, отношения, обусловленные той или иной формой собственности на средства производства.

В наши дни все более ясно видно, что не только степень развития производительных сил самих по себе, науки самой по себе определяет меру воздействия человека на природу. Капитализм развил гигантские производительные силы, но из-за господства частнобуржуазных капиталистических отношений большая часть их остается втуне, не идет на пользу человеку. С другой стороны, социалистическое общество на первых порах обладало гораздо менее развитыми производительными силами, чем капитализм, но за четыре десятилетия своего существования оно сумело добиться огромных результатов во всех областях воздействия на природу.

Дж. Томсон в своей книге рисует увлекательную картину того, какие новые дела сможет принести человечеству наука уже в ближайшем десятилетии. Он предвидит открытие неисчерпаемых источников дешевой энергии, что в еще большей мере стимулирует развитие всех отраслей производства и позволит перестроить всю бытовую жизнь человека, вплоть до очень серьезного преобразования климата. Он говорит о новых методах добычи старых материалов и появлении многих новых синтетических материалов невиданной прочности и легкого веса, в связи с чем «мир будущего будет выглядеть воздушнее, станет похожим на воздушное судно больше, чем мир настоящего или прошлого». Он пишет о предстоящих гигантских увеличениях скорости и рационализации средств транспорта, что сократит потери времени и сделает возможными «сезонные миграции людей»; о создании новых средств связи, которые позволят организовывать совещания целых групп людей, находящихся в разных местах, с тем, чтобы каждый из них мог видеть и слышать каждый в любой момент». Он предвидит создание станций-спутников Земли и путешествия людей в космос.

Но разве можно ждать всех этих благих результатов от одного стигийского развития производительных сил или саморазвития естественной науки, как фактически получается у Томсона? Ведь уровень производства и степень развития науки на земном шаре уже вполне достаточны для того, чтобы обеспечить благоустроенную, культурную, творческую жизнь для всего населения, а еще

и поныне сотни миллионов людей продолжают жить в нищете, голоде, нахождении на грани вымирания. Более того, уродливое и одностороннее развитие естественных наук в рамках капиталистического общественного строя уже привело к подлинно катастрофическим последствиям. Развитие техники и науки капитализм прежде всего подчиняет целям войны, задаче истребления людей. Дж. Томсон, говоря о возможном использовании атомной энергии в военных целях, уверяет, что будущие войны «причинят немалое количество жертв, чем войны ближайшего прошлого». Но это — опасное заблуждение. Развитие науки позволило создать такие средства разрушения, что все будущее цивилизация зависит теперь от устранения войны из «биохимии» человеческой практики.

СОВРЕМЕННАЯ наука вступила в тот фазис, когда перед ней встали задачи великого синтеза. Это не следует принимать так, что прежде была эпоха исключительно аналитическая, а ныне наступила эпоха исключительно синтетическая. Но развитие науки подготовило условия для синтетического

этапа, который должен открыть новые истины и необоримые горизонты. Развитие человеческой практики давно опровергнуло перегородки, существовавшие раньше между различными дисциплинами естествознания. Оказалось, что математика, физика, химия, биология взаимно проникают одна в другую, что они в конечном счете образуют единство. Но при этом надо помнить, что все великие естественнонаучные достижения являются продуктом общественной эволюции. Определенный способ производства, на базе которого развиваются естественные науки, существует только в рамках определенных общественных отношений. И чем выше общество поднимается в своем развитии, тем больше требования предъявляет оно общественной науке. Социалистическое общество выдвигает такие проблемы, которые раньше и не возникали. Встает проблема органического синтеза наук об обществе и наук о природе, их более тесного единства, их более глубокого, чем до сих пор, взаимопроникновения.

Маркс, Энгельс и Ленин стояли на той точке зрения, что естествознание и общественное образование в конечном счете единство, что они воздействуют друг на друга. «Вследствие», — писал Маркс, — естествознание будет охватывать науку о человеке, подобно тому, как наука о человеке будет охватывать естествознание (обе станут одним), будет одна наука». Это не значит, разумеется, что сотрутся все грани между общественной и естественной науками, каждая из которых имеет свои особый предмет со специфическими закономерностями, что естественники будут в равной мере заниматься общественными проблемами, а социологи — естествознанием. Это значит только, что будет окончательно преодолено разделение и противопоставление естествознания и общественного, что будет осуществлено, наконец, их органическое единство.

Так думают в Америке

ВЛАДЕЛЕЦ газетного киоска на углу улицы, где я живу, — дерзкий и циничный парень. Он говорит, что стал таким потому, что читает газеты, которые продает. Его громовой голос, перекрывающий рев городского транспорта, может заставить людей застыть на месте за целый квартал от него.

Когда я вчера спросил его, что он думает по поводу заголовков об обмене визитами «Айн ту да, Хрущев сюда» (никто не позволяет себе большей фамильярности, чем авторы заголовков), мой знакомый зарычал радостно: «Они не могли бы быть крупнее, даже если бы возмечали о втором пришествии Христа». (Я надеюсь, что эти строки не оскорбят религиозного читателя, тем более, что, несмотря на склонность побаллагури, владелец киоска очень набожный парень, и каждое воскресенье вы обязательно увидите его в церкви в строгом черном костюме.)

Такие чувства вполне характерны для подавляющего большинства американцев. Они — за обмен визитами, так как предпочитают как можно дольше задержаться на этой планете, прежде чем отправиться за сверхизбыток в царство вечного блаженства. Да, мой знакомец хотел мира, и я с уверенностью заявляю, что этого хочет большинство американцев. Вы, вероятно, читали, что фермер, живущий далеко-далеко, среди кукурузных полей штата Айова, за две тысячи миль от того места, где я пишу эти строки, пригласил Хрущева приехать погостить к нему. Весь округ ликовал, когда стало известно, что советский премьер принял приглашение. На днях я говорил с негритянским священником в Гарлеме, и он сказал, что ему тоже очень хотелось бы оказать гостеприимство советскому премьеру. В газете «Нью-Йорк таймс» он видел фотографию, изображающую Фрота Коллова, сидящего рядом с молодой негритянкой в вагоне Нью-Йоркского метро. Негритянка весело улыбается, разговаривая с Колловым, а напротив них сидит смуглая женщина — крупный деятель одной из советских национальных республик.

Полобного рода голоса составляют явное меньшинство. Уолтер Липшан, видный обозреватель, писал на днях: «Если беседы состоятся и подготовят почву для

дальнейших встреч, то Эйзенхауэр и Никсон завоюют, по-видимому, для республиканской партии и для Никсона, как ее кандидата, политическую победу первой величины. Они выступят за мир, а это в переводе на язык народного голосования является крупнейшим политическим козырем».

Не следует забывать также, что в течение ряда лет наши опросы общественного мнения свидетельствуют о положительном отношении американцев к приходу Н. С. Хрущева. «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: когда Хрущев вступил на американскую землю, осуществляется давнее желание американского народа». Вот результаты опроса, проведенного Джорджем Галлопом, директором Американского института общественного мнения. Галлоп говорит: «По сути дела, население США уже более трех лет рассматривает ковер гостеприимства перед мистером Хрущевым». Итальянский опрос обнаружил, — как и предыдущие опросы, — что общественное мнение за приглашение Хрущева в Соединенные Штаты.

И для кого здесь не секрет, что тот, кто рассчитывает быть избранным президентом Соединенных Штатов на выборах 1960 года, должен совершить поездку в Москву, если он хочет завоевать уважение большинства избирателей. Он должен показать, что сможет сохранить мир, обеспечить нашей стране добрые взаимоотношения с другой самой могущественной державой на земле.

Джозеф НОРТ,
американский публицист
НЬЮ-Йорк, 12 августа. (По телеграфу)

Остается пять дней

ФИЛЬМ этот не значитес в официальных конкурсных программах, и тем не менее он стал одним из самых примечательных явлений фестиваля. Ведь когда не хватает 8 тысяч мест на западной трибуне стадиона «Динамо», чтобы удовлетворить всех желающих попасть на просмотр, это уже свидетельствует о многом.

Вы уже угадали, возможно, о чем идет речь? Да, совершенно верно — о «Ночах Кабрини» с Джульеттой Мазина, которую в эти дни принимает разностороннее искусство Москва.

У термини фильма — дешевой римской проститутки Кабрини — огромные, кажется, захватившие половину лица, усталые глаза и резкие скорбные складки в углах рта. И очень странная улыбка, неожиданная, робкая и как будто уже в самом своем зарождении скрывающая каким-то другим, более сильным чувством. В том, как улыбается Кабрини — Мазина, можно, пожалуй, найти ключ к пониманию образа, к трагическому противоречию, которое ведет ее судьбу. Кабрини хочет настоящей любви, а вынуждена продавать свои ласки, она доверчива и добра, а должна быть подозрительной и злой. Иначе не прожизнь — сомиут.

Фильм итальянского режиссера Феллини говорит о трагической раздельности людей в мире, где царят законы. О человеке, созданном для счастья и любви и вынуждаемом быть озлобленным и равнодушным.

Именно сценарий, глубина его мысли, правда его характеров определяют прежде всего успех или неуспех будущего фильма.

Тем не менее «Ночи Кабрини» получили премию международной католической организации! Объяснить это можно только стремлением нейтрализовать удар, который в действительности наносит картина католической церкви. Нельзя спрятать или уничтожить — лучше постараться купить! На самом же деле фильм по существу своему антирелигиозен, антицерковен. Кабрини, ждущая чуда от Мадонны, обманута ею так же, как инвалид, моливший об исцелении. Земные и небесные иллюзии одинаково разлетаются в прах, сталкиваясь с жестоким законом жизни.

Вот документальный фильм «Новая Болгария». Прекрасные операторские съемки. Уверенная режиссерская манера Генчо Генчева и Михаила Юдина. А сценарий рыловатов. Его автор Димитр Методиев спешит рассказать и о том, и о другом, и о третьем. Поэтому ко-где возникают скорговорка, повторы, вредящие этому волнующему фильму, ослепляющим горячим дымящим жизни современной Болгарии.

Картина Феллини трагична. В ней нет ясной социальной перспективы. Что же дальше? — на этот вопрос ни художник, ни его герои не имеют ясного ответа. Но надежда остается. Именно на этой ноте надежды и веры в человека обрывается фильм. Когда униженная, обреченная Кабрини, шатаясь, идет по дороге, улыбка, вдруг мелькнувшая на ее лице в ответ на беззаботную песенку, говорит зрителю о той огромной внутренней силе, которая заставляет человека подниматься и снова жить, несмотря на самые тяжкие удары.

Наш постоянный голос! Изящное, точное мастерство Ростиса Кинтана в роли вазальшного певчика Винки, точно найденная характеристика, бурный темперамент Педро Армендариса в роли Макино. Но, несмотря на этот великолепный актерский дуэт, фильм по-настоящему не задевает за душу, вызывает ряд недоуменных вопросов. Почему глупенькая, нагловатая Винки, подцепившая богатого спекулянта-любовника, вдруг проникается состраданьем к бедному? Почему ее возлюбленный — матерый спекулянт, прозванный в народе крошечный, — внезапно разделяет все свое зерно бедным, вступает в отчаянную схватку со своими бывшими друзьями и дельцами? Мотивировки для всего этого слабые. Фильм распадается на две части: сатирическая комедия, вдруг переходит в эффектную, но малоубедительную мелодраму. Ясно, что все бесды идут от сценария.

Я ПОНСКИЙ фильм «Незабываемая тропинка», английский конкурс, рассказывают о том, что всегда, безупречно, волнует зрителя, — о судьбах детей.

Или вот финский фильм «Красная черта». В нем роли крестьян-бедняков исполняют безусловно очень сильные актеры Холгер Салин и Юсси Юрнка. Но их игра обесцвечена неверным, очень тенденциозным замыслом, который лежит в основе сценария и фильма.

Здесь есть все, что обычно бывает в подобных фильмах. В английском, к примеру, есть и старшая сестра, трогательно заботящаяся о мальчике, и душеспасительные эпизоды побега из приюта, и печальная фигура ребенка, напрасно ожидающего свою беспутную мать.

Фильм проникнул удивительно мизантропическим отношением к жизни, к человеку. Это определило и его художественный строй — угрюмую, тягучую интонацию, скучный натурализм деревенских сцен.

Эти фильмы рождены благородными намерениями. Маленькие актеры старательно исполняют свои роли — самый радужный прием встретил 10-летняя героиня английского фильма Дана Уилсон, представляющая гостям фестиваля. И все же, когда вспоминаешь суровый, горький реализм японского «Рашиомо» или английского «Пути в высшее общество», или тех же «Ночей Кабрини», то истинная цена «Слез сирот» и «Незабываемой тропинки», их сентиментальность, чувствительность, становится вполне ясной.

ОДИНАДЦАТОГО августа в Центральном Доме литераторов состоялся дискуссия на тему «Сценарий как род литературы». Это была действительно дискуссия — острая борьба мнений.

Польский критик Якевич заявил, по его мнению, сценарий — это неизбежное зло кинематографии. Нужно сделать все, чтобы изжить сценарий, категорически требовал он. Иную точку зрения на роль сценария высказали советский драматург А. Каплер, финский сценарист Марти Сава, японец Руйдзиди и другие выступавшие. «Я не могу сделать хорошего фильма без хорошего сценария», — сказал немецкий режиссер Курт Метинг.

Нашему читателю может показаться, что дискуссия приняла узкопрофессиональный характер. Но когда смотришь фестивальные фильмы, то становишься очевидным, что вопрос этот весьма ост-

Е. СЕМЕНОВА,
Ю. ХАНЮТИН

В защиту холмогорки

Ник. ЖЕРНАКОВ

ПРИДВИНЬЕ. Край былин и сказов, насыщенный поэзией Севера, край алмазных россыпей северного сияния, восстало еще великих холмогорцев. Михайлов Ломоносовым. Первые шаги развора. Великий покой летних ночей над холмогорскими заливами лугов.

Кто не знает Холмогор! Центр торговли двинского края с заморскими гостями до основания Архангельска, колыбель флота Российского, у которой стоял царь Петр, родина славного в веках Ломоносова, родина искуснейших косторезов и, наконец, родина известной на весь мир холмогорской породы скота...

Все это не может не волновать русское сердце. Но не только поэзия прошлого, или летних белых ночей, или зиних северных сияний волнует, когда пишу я эти строки. Другое теперь время, и шаг у истории иной. Поэзия великого семилетия так же прекрасна для холмогорцев, как для жителей любого уголка советской земли.

Передо мной — заливные луга холмогорских холмов. Они до последней лужи мочажинки, до последней кочки ежегодно убираются руками холмогорцев. Нельзя представить себе Холмогоры, не окруженные заливыми лугами, как нельзя без них представить славу знаменитой холмогорки. Слава ее вскорлуплена на этих лугах. Многие десятилетия дикий клевер, тучный пырей, сочный сладковатый вязель, что летом обильно порывають луговые просторы, создавали ценнейшие качества холмогорки — высокоудойность и жирность.

Вот почему в планах наступившего семилетия заливные луга попрежнему остаются основной, центральной базой грядущих успехов холмогорских животноводов. Реальность их планов в не меньшей степени зависит от динорастающих трав, чем от силы пахотной земли, небольших полей ирригационной в придинские леса. С этих полей холмогорцы снимают урожаи зерновых, а также сенокосов и других кормовых культур для пополнения запасов луговых кормов.

Сено нашей корове — тот же черный хлеб на столе человека, — любят приготавливать холмогорцы.

КТО ХОТЯ раз побывает на заливных холмогорских лугах, тот никогда не забудет их. Июньским ли днем, когда луг, только что вышедший из-под вешнего водополья в мирнахх капель, обрызгавших молодую траву, отражает солнце и, весь горя, словно заливает человека еще не ушедшей весенней радостью; августовским ли вечером, когда земля отдает дневное тепло и пьяный запах вырвавшихся трав кружит голову, — всегда он хорош как первозданное творенье природы.

Эти острова, островки и просторные долины, изрезанные рукавами, полами и протоками, рождены саоенравной и сердитой Северной Двиной. Весной она — полноправная хозяйка в своих низинах.

Но вот отгулалась северинка на весеннем раздолье, схлынула, ушла в Белое море. Оставила после себя на лугах плодородный ил. Вскоре появи-

живут холмогорцы богаче, культурнее, чем члены колхоза «Новая жизнь».

Но разговор о настоящем и будущем лугов — это разговор о настоящем и будущем холмогорки. И Андрей Петрович загораются. Яркие искорки вспыхивают в его серых глазах. Видно, эти мысли давно не давали ему покоя.

— Знаменитые заливные луга?! — загорячился он. — Были, были знаменитыми, а теперь мы их развенчали. Да...

— Но у вас то они на общину от других холмогорцев выбрасывают травы... Председатель сожалеюще усмехнулся. Я понял, что эта улыбка относится к моей неосведомленности в делах хозяйства холмогорца.

— Выбрасывают? — снова начал он с вопроса. — А почему они «выбрасывают», как вы думаете? Свой-то лужок мы ежегодно после водополья чистим от наносногохлама, вырубая молодую поросль ивыняка, а потом подкармливаем. Как подкармливаем? А вот так: завезем зимой минеральных удобрений, пригласим весной сельскохозяйственный самолетик, он нам и рассеет их ровненько. Земля в то время после воды еще сырая. Вот и травы в пося пойдут.

Он подумал и, вздохнув, добавил: — Лугов нам все равно не хватает, надо добавлять.

Рядом с холмогором — огромные лесные массивы. Они подходят со всех сторон к деревням, обступают полоски пашни, нахально разрослись молодой поросль по краям и без того невеликого луга.

— Где же возьмем? Надо, видно, лес корчевать, — сказал я.

Вашуток нахмурился, словно обидевшись на вопрос, ответил недовольно: — Раскорчевываем, но без того. Только если и дальше будем так раскорчевывать, хватит дела не на одну семилетку. А нам некогда: корма нужны не в год, а в рот, как говорят. Наш холмогор выступил инициатором соревнования за семилетку в пять лет. Тут задумаешься...

— Что же вам мешает корчевать? — Неразбериха лугаминерализация вот где у нас сидит, — вдруг снова заговорил, шлепнул себя по щеке Андрей Петрович. — Ведь что получается? Пять лет назад Северодвинская лугомелиоративная станция начала у нас раскорчевку леса на участке в двести гектаров. Хорошо. Но в позапрошлом году только тридцать гектаров насилью привела в боеспособный вид — можно засеять. Да в этом году немного еще посеяли. А сколько денег холмогорцы ухлопали! В течение пяти лет на эти деньги можно было покупать корма в том количестве, в каком когда-то еще отдадут нам эти «вымученные» гектары... Нет, надо так построить работу станции, чтобы она доводила дело до конца: чтобы сдавала холмогорам готовые осушенные луга в течение года-двух, после того как взялась за работу. А так, как делается сейчас, — это не работа, а сердцу остуда!

Горячая речь Андрея Петровича напомнила другие, подобные этой, речи председателя холмогорцев, ругающих ЛМС на чем свет стоит за затягивание лугомелиоративных работ, за их плохое качество.

Увлекаясь задачами текущего дня, Холмогорский район партии, райисполком не уделяют внимания проблеме создания прочной кормовой базы.

Одна из таких проблем — возрождение бывлой холмогорских заливных лугов, а вместе с ними и славы знаменитой холмогорки, молония которой вывозится в десятки районов страны.

В районных планах есть заметка — к концу семилетия поднять урожайность динорастающих трав до двадцати и более центнеров с гектара. Но хорошее желание надо подкреплять хорошими делами. А их пока мало.

Необходимо серьезно заняться улучшением работы Северодвинской лугомелиоративной станции и составлением семилетнего плана обновления холмогорских заливных лугов.

Так считают все холмогорские животноводы.

Село Холмогоры, Архангельская область.

живут холмогорцы богаче, культурнее, чем члены колхоза «Новая жизнь».

Но разговор о настоящем и будущем лугов — это разговор о настоящем и будущем холмогорки. И Андрей Петрович загораются. Яркие искорки вспыхивают в его серых глазах. Видно, эти мысли давно не давали ему покоя.

— Знаменитые заливные луга?! — загорячился он. — Были, были знаменитыми, а теперь мы их развенчали. Да...

— Но у вас то они на общину от других холмогорцев выбрасывают травы... Председатель сожалеюще усмехнулся. Я понял, что эта улыбка относится к моей неосведомленности в делах хозяйства холмогорца.

— Выбрасывают? — снова начал он с вопроса. — А почему они «выбрасывают», как вы думаете? Свой-то лужок мы ежегодно после водополья чистим от наносногохлама, вырубая молодую поросль ивыняка, а потом подкармливаем. Как подкармливаем? А вот так: завезем зимой минеральных удобрений, пригласим весной сельскохозяйственный самолетик, он нам и рассеет их ровненько. Земля в то время после воды еще сырая. Вот и травы в пося пойдут.

Он подумал и, вздохнув, добавил: — Лугов нам все равно не хватает, надо добавлять.

Рядом с холмогором — огромные лесные массивы. Они подходят со всех сторон к деревням, обступают полоски пашни, нахально разрослись молодой поросль по краям и без того невеликого луга.

— Где же возьмем? Надо, видно, лес корчевать, — сказал я.

Вашуток нахмурился, словно обидевшись на вопрос, ответил недовольно: — Раскорчевываем, но без того. Только если и дальше будем так раскорчевывать, хватит дела не на одну семилетку. А нам некогда: корма нужны не в год, а в рот, как говорят. Наш холмогор выступил инициатором соревнования за семилетку в пять лет. Тут задумаешься...

— Что же вам мешает корчевать? — Неразбериха лугаминерализация вот где у нас сидит, — вдруг снова заговорил, шлепнул себя по щеке Андрей Петрович. — Ведь что получается? Пять лет назад Северодвинская лугомелиоративная станция начала у нас раскорчевку леса на участке в двести гектаров. Хорошо. Но в позапрошлом году только тридцать гектаров насилью привела в боеспособный вид — можно засеять. Да в этом году немного еще посеяли. А сколько денег холмогорцы ухлопали! В течение пяти лет на эти деньги можно было покупать корма в том количестве, в каком когда-то еще отдадут нам эти «вымученные» гектары... Нет, надо так построить работу станции, чтобы она доводила дело до конца: чтобы сдавала холмогорам готовые осушенные луга в течение года-двух, после того как взялась за работу. А так, как делается сейчас, — это не работа, а сердцу остуда!

Горячая речь Андрея Петровича напомнила другие, подобные этой, речи председателя холмогорцев, ругающих ЛМС на чем свет стоит за затягивание лугомелиоративных работ, за их плохое качество.

Увлекаясь задачами текущего дня, Холмогорский район партии, райисполком не уделяют внимания проблеме создания прочной кормовой базы.

Одна из таких проблем — возрождение бывлой холмогорских заливных лугов, а вместе с ними и славы знаменитой холмогорки, молония которой вывозится в десятки районов страны.

В районных планах есть заметка — к концу семилетия поднять урожайность динорастающих трав до двадцати и более центнеров с гектара. Но хорошее желание надо подкреплять хорошими делами. А их пока мало.

Необходимо серьезно заняться улучшением работы Северодвинской лугомелиоративной станции и составлением семилетнего плана обновления холмогорских заливных лугов.

Так считают все холмогорские животноводы.

Село Холмогоры, Архангельская область.

Л. Н. Толстой (мрамор).

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Закон или «подзаконные» акты

ПОД таким заголовком 14 мая в «Литературной газете» была опубликована статья Б. Бродского. В ней рассказывалось о нарушении авторского права в отношении писателей и художников, говорилось о необходимости обеспечить строгую законность во взаимоотношениях авторов с издательствами, театрами и иными организациями, использующими произведения литературы и искусства.

Редакция получила письма из Управления по охране авторских прав Союза писателей СССР и Союза художников СССР, в которых поддерживается выступление Б. Бродского и приводится ряд примеров грубейшего нарушения авторского права. «Но самое печальное в том, — пишет директор Управления по охране авторских прав Союза писателей Г. Эльчибеков, — что Министерством культуры и его управления, профессорские и другие организации, куда чуть ли не ежедневно по поводу очередных нарушений обращается ВУОАП с жалобами, просьбами и требованиями, нередко не только не принимают мер, но и не имеют ни одного представителя для пресечения беззакония, чинимого в подведомственных им организациях, но со своей стороны издают те самые «акты», которые Б. Бродский, называя «подзаконными», правильно берет в кавычки, ибо с действующим законом они ничего общего не имеют. И наконец (что особенно странно и тревожно), и народные, и областные, и даже верховные суды, рассматривая иски о восстановлении попранных авторского права, зачастую выносят решения и определения, не обоснованные ни фактической стороной дела, ни, тем более, нормами права. Органы прокуратуры обычно занимают такую же позицию невмешательства. А Управление по охране авторских прав — лишь общественная (не государственная) организация, не имеющая никакой власти в отношении нарушителей. В своей работе мы можем опираться только на помощь Министерства культуры, органов суда и прокуратуры».

Далеко тов. Эльчибеков отмечает, что «немалую роль в формировании негигиенического отношения к закону об авторском праве, особенно в некоторых частях низовых работников системы Министерства культуры, а также у некоторых работников суда и прокуратуры, сыграло широко распространявшееся в последние годы ложное представление о том, что многие советские авторы, используя несовершенство «старелости» норм авторского права, получают и накапливают огромные суммы». По мнению тов. Эльчибекова, формирование такого негигиенического представления о жизни и труде литераторов способствовали появившиеся в печати фельетоны о действительно имевших ранее место случаях получения отдельных авторами сверхъестественных гонораров. Авторская общественность «постеснялась» выступить с разъяснением действительного положения вещей, то есть того, что приведенные в фельетонах случаи единичны и не характерны для советских авторов, что подавляющее большинство их имеет весьма скромные заработки, что труд авторов тяжел и кропотлив».

О грубых нарушениях авторского права пишет и начальник Управления охраны авторских прав Союза художников СССР М. Червоный: «В отличие от писателей, художники не имеют ни ставок вознаграждения, ни даже типового издательского договора, утвержденного компетентным органом. Они имеют лишь устные договоренности. Бродским приказ Главлита № 44 от 20 августа 1955 года, изданный не исполненной на то организации. Ряд его положений прямо противоречит законодательству об авторском праве. Но при очевидной порочности приказа Главлита им руководствуются не только издательства, подчиненные Главлиту, но и все ведомственные издательства. Более того, им руководствуются и судебные органы. Незаконность приказа Главлита № 44 признана первым заместителем Генерального прокурора СССР, но приказ почему-то не отменен. Союз художников давно разработал проект постановления о ставках авторского вознаграждения за воспроизведение в печати произведений изобразительного искусства и подготовил типовой издательский договор, но согласовать этот проект с Министерством культуры до сих пор не удается».

Советский закон об авторском праве обеспечивает интересы социалистического общества и автора, он гарантирует необходимые условия для творческого труда. Почему же прокуратура и судебные органы не обеспечивают строгого соблюдения этого закона?

На этот вопрос редакция ждет ответа от работников Верховного Суда СССР и Прокуратуры СССР.

Наша редакция ждет ответа от работников Верховного Суда СССР и Прокуратуры СССР.

Возвращение на Родину

МНОГО лет назад в Париже на своей выставке я встретил Апока Гюрджяна. Помнится, он сказал мне: — Мартирос, жить вдали от Родины — это все равно, что жить без папирты. — Потом помогал и добавил: глубоко вздохнув: — Но и здесь я раскиснул, создало их портреты и тем освежило мою папирту.

В его словах была тоска. Он долго кружил по моей выставке, как пчела, потерявшая улей, словно вбирал в себя солнце Родины, ее аромат, ее краски.

Не странно ли так писать о скульпторе: он вбирал в себя краски и солнце. Для меня не странно. У истинного художника даже одноцветная скульптура красочна, вся как бы омыта солнцем. Каждая страна имеет свое освещение, свои краски. И каждый истинный скульптор знает это.

Поэтому, когда я хожу сейчас по выставке произведений Апока Гюрджяна — одного из крупнейших скульпторов современности, — я вижу, чувствую, что, создавая свои скульптуры, он жил солнцем и красками своей Армении.

Наше солнце еще более подчеркивает глубоко поставленные глаза на его скульптурных портретах, глаза, которые всматриваются не только в окружающий мир, но и в себя, в свое внутреннее «я». Композиционные линии работ Апока Гюрджяна словно повторяют линии армянских гор, напоминающие кардиограммы беспокойного сердца. Да, живая на чужбине, он жил мыслями о своей Родине.

Наверно, поэтому я, художник, слово о Гюрджяне начал с солнца и красок.

В одном из парижских скверов стоит его Лев Толстой. У нас, в картинной галерее Еревана, тоже есть скульптура великого писателя. Она из белого мрамора. Смотришь на портрет, а старик с патриархальной бородой вглядывается в тебя, вглядывается тем пронзительным взглядом, каким смотрел только Толстой. Вот портрет Рахманинова. От скульптуры будто струится какая-то тревожная мелодия.

Или скульптура М. Горького, овеянная непокорной стихией. Эти образы, как бесценные реликвии далекой Родины, Гюрджяна хранят в Париже.

Властный облик Саломе перекликается с восточными легендами и преданиями. Портреты негров — то грустных, то мятежных — повествуют о жизни и характере целого народа.

Трудно рассказывать о скульптуре. Ведь то, о чем можно рассказать, перестает быть искусством. Поэтому я приглашаю тех, кто побывает в Армении, посетить выставку Апока Гюрджяна.

Он жил на чужбине и мечтал, что когда-нибудь его работы увидят на Родине. Ныне, 11 лет спустя после его смерти, мечта эта осуществилась. По завещанию Гюрджяна, более 500 его произведений перевезено из Парижа в Ереван.

И скульптор вновь живет в них, живет у себя на Родине.

Голова негра (гипс).

138 АВТОГРАФОВ И. А. БУНИНА

В Институте русской литературы Академии наук СССР проведено научное описание 138 автографов произведений и писем И. А. Бунина, относящихся к разным периодам его жизни и деятельности.

Среди рукописей прозаических произведений — рассказы «Лирические картины», «Хорошая жизнь» и другие. На рукописи рассказа «Ночной разговор», предназначенной для набора, — правка, вычерки и вставки, сделанные рукой автора.

Значительный интерес представляет малозначительное эпистолярное наследие И. А. Бунина. Сохранились подлинники его писем Ф. Д. Батюшковой, профессору С. А. Венгеру, академику Н. А. Котляревскому.

Научное описание рукописей и переписки И. А. Бунина составлено научным сотрудником П. Ширмаковым.

ЛЕНИНГРАД

Журналы в августе

«ЗНАМЯ»

Основные материалы номера посвящены июньскому пленуму ЦК КПСС. Под шапкой «Ускорить шаг!» редакция публикует очерки М. Рошина «Владимирский почин» и В. Стариков «Магистраль металла». В разделе прозы — повесть Ю. Нагибина «Павлик», рассказы Ю. Семенова «Шторм во время Белова» и китайского писателя Ма Фуня «А я что творю!». Публицистика: поэзия Гр. Пржемына «Жизнь живых», два стихотворения Ю. Левитанского. Публицистика представлена Большим очерком Э. Максимова «Заметки об общественном питании», полемиче-

ской статьей А. Смирнова-Черкезова «Что скажете, товарищи архитекторы!» и окончанием очерка Л. Гинзбург «Встреча с Крыловым». В разделе критики и библиографии — статья И. Анисимова «Новая литературная эпоха» (о процессах в современной западной литературе).

«ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ»

«После Третьего съезда писателей» — так называется статья С. Гаиссаряна, которой открывается августовская книжка. Печатаются также статьи И. Анисимова «Всемирная литература и социалистическая революция». В отделе теории литературы выступают А. Егоров со статьей «Враги разума» — о современной буржуазной эстетике, и Т. Мотылева — «О реализме и условности». Творческой дискуссии на тему «Слово и образ» посвящены статьи А. Ефимова «Образная речь художественного произведения» и П. Пустовой «Жизнь — к слову».

Продолжается публикация записных книжек Александра Фадеева. Печатаются неопубликованные письма Фадеева к Г. Уэллсу. В номере — статьи В. Переверзева, А. Анискина и другие материалы.

В. КАВЕРИН Художник и история

ХУДОЖНИК всегда был силен в исследовательских работах Тьяньюна, а романы его были бы невозможны без того глубокого разреза истории, который он производил умным скальпелем историка литературы. Он не стал бы историческим романистом, если бы не был знатоком истории литературы, мастером исторического изучения, умевшим сопоставлять бесконечно далекие факты и делать из них выводы, неожиданно и блистательно оперегающие готовые представления.

Он был художником и тогда, когда читая Пушкина или Катенина, на основываясь на заметном поэтическом пунктире восстанавливал тайную, глубоко запятанную литературную полемику, сложнейшую историю их отношений. Он умел разгадывать новое не так, как раскрывают шифр, а как изучают почерк, — с психологической глубиной.

«У меня нет никакого претета к документу вообще»... Там, где копаешься документ, там я начинаю».

С интуицией художника Тьяньюна умел читать текст, нащупывая в нем внутреннюю, затаенную жизнь. То, чего не замечал никто, странички, по которым равнодушно скользили глаза, открывались перед ним в новом, глубоком значении. Осколки чувств, застрявших между строками, вдруг становились ясными, живыми, когда он повсюду читал эти странички.

«Переход от науки к литературе был вовсе не так прост, — писал он в наброске автобиографии, впервые напечатанном в третомтом собрании, только что изданном Государственным издательством художественной литературы. — Многие ученые считали романы и вообще беллетристику халтурой... Должна была произойти величайшая из всех революций, чтобы пропасть между наукой и литературой исчезла. Мои беллетристика возникла, главным образом, из недовольства историей литературы, которая скользила по общим местам и неясно представляла людей, течения, развитие русской литературы... я и теперь думаю, что художественная литература отличается от истории не «выдумкой», а большим, более близким и кровным пониманием людей и событий, большим волнением о них. Никогда писатель не выдумает ничего более прекрасного и сильнее, чем правда. «Выдумка» — случайность, которая не от существа дела, а от художника. И вот, когда нет случайности, а есть необходимость, — начинается роман. Но взгляд должен быть

много глубже, догадка и решимость много больше, и тогда приходит последнее в искусстве — ощущение подлинной правды: так могло быть, так, может быть, было».

Глубокая, всепоглощающая любовь к русской литературе была основной чертой всей жизни Тьяньюна. Лишь пытая и оценив ее, можно понять и объяснить его жизнь. Эта любовь, находила разные формы выражения. В юности — стихи, потом — наука, которая была не чем иным, как жадным стремлением изучить русскую литературу, открыть и объяснить чудо этой литературы, наконец — художественная проза, исторический роман, книги, в которых его талант выразился с наибольшей силой.

Восемнадцатилетний юноша, студент Петербургского университета, он стал заниматься Кюхельбекером, о котором в то время знали только одно: что он был другом Пушкина и что лицейские друзья смеялись над его стихами.

«Кюхельбекер трогателен», — писал Страхову Толстой. Именно эта «трогательность» Кюхельбекера, его человечность, его человек, неужелюбие, но алмазно-чистое стремление к справедливости привлекли внимание Юрия Тьяньюна к этой тогда полностью забытой фигуре. Он стал изучать Кюхельбекера и изучал его, в сущности, всю жизнь. Он написал о нем большую работу, главы которой читал на заседании пушкинского семинара. В 1913 году эта первая научная работа Тьяньюна сгорела в Ярославле вместе с его бумагами и библиотекой. Он разрылся почти все написанное. Кюхельбекером и издал собрание сочинений этого человека, но интересного поэта. Он написал о нем роман, ставший любимым чтением для детей и взрослых, роман, который один «гасит еще сухую бессильную болтовню не только одного Мережковского» (Горький).

«КЮХЕЛБЕКЕР» Тьяньюна впервые подолжен в историческом документе как художник. «Есть документы парадные, и они аргумент, — писал он впоследствии. —

Недавно, в 1957 году, роман вышел во Франции. «Вы откроете для себя не только Вильгельма и декабристов, но и великого писателя», — писал Пьер Дакс. «В нашу душу переходят боль, гнев, глужее убеждение, что Кюхля заведет нас силу и волю, которые он потерял. Мы выходим из романа, пожаряемые этой беспримерной страстью».

На последних страницах романа Кюхельбекер показывает жене на сундук с рукописями: «Поэзия в Петербурге! — это прощание... там издают... детей определить надо». Этот сундук с рукописями впоследствии действительно попал в Петербург и долго находился в

распоряжении одного из сыновей Кюхельбекера. Не знаю, какими путями, но в рукописи в 1928—1929 гг. получил доступ некий антиквар, который, узнав, что Тьяньюна собирает все написанное Кюхельбекером, стал присылать ему эти бумаги, разумеется, согласно традиции: от менее к более интересным. Тьяньюна тратил на них почти все, что у него было, и постепенно «сундук» перешел к нему.

Я помню, как в одной из рукописей (письмо Туманского к Кюхельбекеру) он нашел несколько слов, написанных рукой Пушкина. Это было торжество из торжеств!

в распоряжении одного из сыновей Кюхельбекера. Не знаю, какими путями, но в рукописи в 1928—1929 гг. получил доступ некий антиквар, который, узнав, что Тьяньюна собирает все написанное Кюхельбекером, стал присылать ему эти бумаги, разумеется, согласно традиции: от менее к более интересным. Тьяньюна тратил на них почти все, что у него было, и постепенно «сундук» перешел к нему.

Я помню, как в одной из рукописей (письмо Туманского к Кюхельбекеру) он нашел несколько слов, написанных рукой Пушкина. Это было торжество из торжеств!

ВТОЙ портретной галерее, о которой я упоминал, Грибоедов нарисован беголо. Но и этот беглый портрет останавливает внимание, быть может, своим несоответствием образу, сложившимся еще в школьные годы представлением об авторе «Горе от ума».

«Смерть Вазира-Мухтара» нельзя не оставить перелестать, роман никого не оставляет равнодушным. Спор, вспыхнувший четверть века тому назад, будит, мне кажется, отсутствующей этой книге еще десятилетия. Верно ли изображен Грибоедов? За неподдающийся маской «полномочного министра» разгадал ли Тьяньюна черты гениального поэта?

чревата новыми формами порабощения народа. Ему удается избежать их участи, но в результате он попадает в круг их убийц.

Горький писал Тьяньюну по поводу «Смерти Вазира-Мухтара»: «Хорошая, интересная и сытная книга. Удивляет знание эпохи. Четко написаны фигуры Булгарина, Семькомова, к стати любимца моего. Превосходно сделан Самсон. Вообще характеры Вы рисуете как настоящие, искусный художник слова, что не мешает Вам быть пронзительнейшим историком-литератором». И дальше: «Грибоедов замечательный, хотя и не ожидал встретить его таким. Но Вы показали его так убедительно, что должно быть, он таков и был. А если и не был — теперь будет». Эти слова звучат, как формула, определяя, в сущности, основную задачу самого жанра исторической прозы.

«Для меня герой тьяньюновского романа — друг декабристов, оравленный горечью их неудач. Не хрестоматийный классик, заслуживший вечную благодарность потомства, но автор запрещенной комедии, так и не увидевший ни печати, ни сцены. «Горе от ума» в романе говорится мало, и вместе с тем весь роман — это как бы огромный психологический комментарий к гениальной комедии. Все ясно — и причина, по которой она, в сущности, осталась почти единственным произведением Грибоедова, и то кажущийся парадоксальный факт, что автор комедии, распространявшейся декабристами в целях политической пропаганды, стал полномочным министром, «Вазира-Мухтаром».

Перелестайте снова эту книгу, и вы почувствуете, насколько она современна! С пронзительностью дипломата в ней впервые вскрыты преступные интриги английской миссии в Иране, направленные против русского влияния. Ограбленный, отданный под власть продажных авантюристов, связанных между собой и беспрестанно интригующих друг против друга, сегодняшний Иран встает со страниц этой книги.

ПРИНИМАЯСЯ за эту статью, я не представлял себе, как трудно мне будет писать о Юрии Тьяньюне. Это прежде всего объясняется тем, что мы были очень близки, и, вспоминая о нем, пытаюсь вновь оценить то, что он сделал, я, окруженный подробностями, которые в целом составляют жизнь, но, быть может, интересны только для меня одного, невольно те-

рпую, не умея отделить важное от второстепенного.

Как рассказать, например, о том, что это был человек необыкновенного душевного veselья, которое сказывалось решительно во всем — и прежде всего в тонком остроумии, оставившем свой след лишь в каких-то семейных альбомах да еще, быть может, в знаменитой «Чучокале»? Как рассказать о его удивительном умении перевоплощаться: как живого, вы видели перед собой Кюхельбекера, Булгарина, Грибоедова — любого из его героев. Он любил изображать, и общих знакомых, перебивая себя, чтобы «отсмеяться», потому что это действительно было необыкновенно это действенно.

Друзьям Юрия Тьяньюна подчас казалось странным: откуда взялось это постижение человеческой души во всех ее изгибах у человека, жившего, в сущности говоря, комнатной жизнью? Был ли раню ограничена возможность его поездок, да и самые поездки были связаны с попытками устоять против этой тяжелой болезни, которая терзала его много лет и свела, наконец, в могилу.

Но контраст между малым жизненным опытом и психологической глубиной его книг — только видимый, кажущийся. Это был человек, который умел из наблюдений, подчас совершенно ничтожных, делать неожиданные, далекие выводы. Тифлис в «Смерти Вазира-Мухтара» был написан по историческим материалам, но когда Тьяньюна приехал в Тифлис в 1933 году, перед его глазами открылся тот город, который он по ничтожным следам выстроил в своем воображении. Как известно, Кюхельбекер восстанавливал скелет исторического животного по одной его кости. Так и Тьяньюна достаточно было одной подробности, чтобы восстановить весь строй — исторический, этнографический, лексический, к которому она относилась.

Подчас меня поражало то богатство ассоциаций, то сопоставление бесконечно далеких подробностей, явлений, идей, которые помогали ему не выходить из кабинета, широко и смело раскрывать картины жизни петровского времени, двадцатых, тридцатых и пятидесятых годов прошлого века.

Он умел слышать тот шум времени, который доступен только деятелю, ясно представляющему движение истории, ход и столкновение исторических величин.

СТО АВТОРОВ

«В советской Эстонии не издавна еще книга о создателях книг...»

1924 году, и его с ним — первая книжка...

«Календарь» наглядно показывает, в какой большой отряд вырвались литераторы Эстонии...

«Мы совесть человечества»

РАСКРОЙТЕ эту книгу на любой странице, возьмите наудачу любую строфу...

Павло Тычина. «Ми свідомість людства».

хвоненъ». — говорил Баратынский. Нетрудно восторгаться старыми книгами поэта...

Новая книга Павла Тычины «Ми свідомість людства» составлена из произведений последних лет...

ИТАК, сегодня очерковой библиотеки нет. Но она будет, не может не быть...

Для расширения круга авторов «Библиотечки» следует организовать конкурс на лучший очерк...

«Ох, уж эти читатели...» Перечитывая «Петра Первого» («Советский писатель», 1958 г.)...

«ручная и ноющая драка» между Меншиковым и Ягужинским, первыми людьми государства...

В КОНЦЕ тридцатых годов Тычинов был в очень тяжелом состоянии: болезнь его развилась...

Такой «темной» была любовь Тычина к «невесте». Многие исследователи (Геринензон, Шеголов) пытались угадать имя женщины...

«Вот так раз! Где же мне теперь искать героев для своих басен?» — Искандра Ю. Иванова.

ВЫДУТ ПОСЛЕ ГОДА

Новинки

Какие книги готовятся к выпуску издательством «Молодая гвардия»?

В последние годы значительно возрос интерес читателей к произведениям С. Сергеева-Ценского.

«Любить и верить» П. Барановича — это время действия романа Ины Баранович «Любить и верить»...

«Брат мой, сатирик» Прежде чем по-дружески поговорить о сборнике сатирических рассказов моего брата...

«Вот и мне захотелось, как умею, помочь Алиаге Сейфеддину, автору веселых рассказов.»

«Бахчисарайского фонтана» связано с воспоминанием о Караманной, с ее рассказом...

«Вот так раз! Где же мне теперь искать героев для своих басен?» — Искандра Ю. Иванова.

«Вот так раз! Где же мне теперь искать героев для своих басен?» — Искандра Ю. Иванова.

«Вот так раз! Где же мне теперь искать героев для своих басен?» — Искандра Ю. Иванова.

«Бригадирка поднимает паруса...» — так называется повесть Анатолия Гладилина («Советский писатель», М., 1959).

«Почти четверть века не переиздавались книги поэта Василия Князева. Недавно издательство «Советский писатель» выпустило его «Избранное».

«Любить и верить» П. Барановича — это время действия романа Ины Баранович «Любить и верить»...

Брат мой, сатирик

Прежде чем по-дружески поговорить о сборнике сатирических рассказов моего брата по имени Сейфеддин...

«Вот и мне захотелось, как умею, помочь Алиаге Сейфеддину, автору веселых рассказов.»

«Бахчисарайского фонтана» связано с воспоминанием о Караманной, с ее рассказом...

«Вот так раз! Где же мне теперь искать героев для своих басен?» — Искандра Ю. Иванова.

«Вот так раз! Где же мне теперь искать героев для своих басен?» — Искандра Ю. Иванова.

«Вот так раз! Где же мне теперь искать героев для своих басен?» — Искандра Ю. Иванова.

«Неодоходный» жанр

Есть у вас ЛСФ? — спрашивают господа, подходя к газетным киоскам. — Что там нового?

И уносят с собой тоненькие книжки в разноцветных обложках с неизменными тиражами ЛСФ в правом верхнем углу.

Что касается содержания, то оно, очевидно, далеко не безразлично тысячам и тысячам людей.

В одной книжке — очерк о сибирском «горюде науке». В другой — репортаж об антарктической экспедиции...

Смотря какого спрос, — сказал мне один светский человек. Читательского или кинитогорского?

«Дорогие читатели! Это одна из книжек маленькой библиотеки очерков. Выпускает ее издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»...

«Дорогие читатели! Это одна из книжек маленькой библиотеки очерков. Выпускает ее издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»...

«Дорогие читатели! Это одна из книжек маленькой библиотеки очерков. Выпускает ее издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»...

«Дорогие читатели! Это одна из книжек маленькой библиотеки очерков. Выпускает ее издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»...

«Дорогие читатели! Это одна из книжек маленькой библиотеки очерков. Выпускает ее издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»...

«Дорогие читатели! Это одна из книжек маленькой библиотеки очерков. Выпускает ее издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»...

«Дорогие читатели! Это одна из книжек маленькой библиотеки очерков. Выпускает ее издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»...

«Дорогие читатели! Это одна из книжек маленькой библиотеки очерков. Выпускает ее издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»...

«Дорогие читатели! Это одна из книжек маленькой библиотеки очерков. Выпускает ее издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»...

«Дорогие читатели! Это одна из книжек маленькой библиотеки очерков. Выпускает ее издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»...

«Дорогие читатели! Это одна из книжек маленькой библиотеки очерков. Выпускает ее издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»...

«Дорогие читатели! Это одна из книжек маленькой библиотеки очерков. Выпускает ее издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»...

«Дорогие читатели! Это одна из книжек маленькой библиотеки очерков. Выпускает ее издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»...

«Дорогие читатели! Это одна из книжек маленькой библиотеки очерков. Выпускает ее издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»...

«Вот так раз! Где же мне теперь искать героев для своих басен?» — Искандра Ю. Иванова.

Аденгауэр: — Ведь они могут развязать новый международный мир!

Рисунок художника Жана Эффеля из французской газеты «Юманите-диманш».

ПРОБЛЕМЫ. ВОЛНУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

ЭТО ХОРОШО ДЛЯ ВСЕХ

МИР — на пороге важных событий. Предстоят встречи и собеседования между руководящими деятелями двух великих держав — США и СССР.

Взаимное понимание, взаимное уважение, больше того, сотрудничество между Соединенными Штатами и Советским Союзом не могут никому повредить.

Да, самое тесное, добрососедское сотрудничество между социалистическим Советским Союзом и капиталистическими Соединенными Штатами вполне возможно, и оно будет плодотворным.

Кто же может быть «недоволен»? Верную мысль высказала на днях итальянская социалистическая газета «Аванти».

Верно, есть люди, есть круги, «питающиеся» за счет советско-американской вражды. У них нет другой пищи.

И советский, и американский народы заинтересованы в дружбе. Только новые, исполненные взаимного доверия, здоровые отношения на мирном почве отношений снимут с нас бремя вооружений, ликвидируют ненужные траты, обеспечат безопасность.

Б. ЛЕОНТЬЕВ

НАШ корреспондент встретился с видным греческим юристом и политическим деятелем Вилласом Иллиу и попросил его ответить на ряд вопросов, интересующих читателей «Литературной газеты».

Греция требует: покончить с произволом

Как Вы оцениваете недавнюю законченную процесс Маноласа Глезога и других греческих патриотов?

Действия судебных властей до и во время суда представляют собой цепь нарушений конституции, уголовного и процессуального законодательства.

«Закон 375» противоречит конституции. Греческое судопроизводство разрешает апелляции, то есть просьбу о пересмотре дела по существу.

В нарушение юридической практики «закон 375» предусматривает секретное ведение следствия. До опубликования обвинительного заключения обвиняемые не знают, в чем их обвиняют.

Веський состав преступления должен включать или преступные действия, или покушение, или подготовку к ним.

Более того, этот закон вообще недействителен. Собрания крупнейших союз юристов в Афинах, Салониках, Си-

ре, Гераклионе констатировали, что он не имеет силы. Предложение его немедленной отмене приняли и подписали все партии, кроме правящей.

«Дело Глезога» — это важный эпизод в борьбе греческого народа за свою свободу. Оно будет иметь серьезные последствия.

Преследуя Глезога и других обвиняемых, правительство стремилось парализовать Единую демократическую левую партию, передовую партию греческого народа (ЭДА).

Греческий народ сорвал планы правительства. Изолирован не ЭДА, а правительстве. Даже самые консервативные, близкие к правительству и дающие от ЭДА деятели, как Цалдарис и Палаидреу, высказались против применения «закона 375».

Хотя движение греческого народа и мировой общественности не привело к триумфальной победе, все же оно добилось большого успеха.

Как греческая общественность расценивает поддержку мировой общественности в борьбе за демократию?

Греческий народ взволнован невиданно по масштабу и силе реакции миллионов людей, помешавших тому, чтобы свершилась несправедливость.

Для греческого народа, борющегося против фашиствующего режима, моральной поддержкой служит тот факт, что это вмешательство предотвратило смертный приговор (а также намерения греческая реакция и не скрывала).

Я считаю очень важным, что прожектор мировой общественности вновь был направлен на события в Греции: он осветил трагедию греческого народа, уличил жестокого полицейского режима. Греческий народ знает, что, пока в стране не будет восстановлена демократия, остается возможность новых процессов, подобных суду над Глезогом и другими патриотами.

Греческий народ вызывает к мировой демократической общественности; он надеется, что силы мира проявят свою заботу о восстановлении демократии в Греции. Демократия даст греческому народу возможность упрочить мир и построить свое благополучие и процветание.

Афины. 12 августа. (По телефону)

ЮМОД НА ЛЕТНИЕ ТЕМЫ. Венгерский журнал «Лудаш мати».

НАДПИСЬ ДЛЯ УТОПАЮЩИХ. «По траве ходить запрещается».

ПЕРЕД ИНТЕРЕСНЫМ МАТЧЕМ. Парикмахер: Не будет ли у вас билета на завтрашний матч?

СЕЗОН КОМАРОВ. Внимательный кавалер.

ШИРОКОЭКРАННОЕ КИНО НА ОТКРЫТОМ ВОЗДУХЕ. При хорошей погоде... в ненастье.

Смените прическу, г-н Нильсон!

УЛЬФ НИЛЬСОН — болезненный молодой человек со страдальчески наморщенным лбом.

Александр БОРЦАГОВСКИЙ

Магазины, роли не играет, — можно встать пораньше. И это пишет человек, побывавший в юго-западном районе Москвы, сдвинувший туда на метро, в одиночку вставший в том, как много вложено сил и средств в и городской транспорт, и в организацию торговли.

Ульф Нильсон, не задумываясь, изменяет добрым традициям шведской литературы, общественной мысли и, пожалуй, самому национальному характеру. Нет в нем ни спокойствия, ни основательности, ни приверженности фактам.

Итак, г-н Нильсон, юный, но уже преуспевающий Ульф Нильсон — в свадебном путешествии. Ему нравятся, когда об этом говорит. Он с небрежной усталостью принимает поздравления, но улыбается редко.

Вот характерный образец его рассуждений, хрестоматийных по тупости и самодовольной ограниченности. «Почему все театральные представления длятся немислично долго? (в среднем на час дольше, чем в Швеции) Потому что за свои деньги люди хотят, чтобы представление тянулось дольше, они хотят дольше сидеть в театре, убежать от квартирной тесноты.

Судя по фотографии, которой открывается цикл статей г-на Нильсона, с лежащим заголовком «Независимые еще существуют», вернувшись на родину, он расправил, наконец, складки лба. Все стало ясно: находилась четырнадцать дней среди простосердечных и гостеприимных советских людей, он, оказывается, мучительно старался не забыть, зачем его командировали в Советский Союз, не забыть и того, о чем ему необходимо написать, написать во что бы то ни стало, вне зависимости от того, что он увидит в СССР.

ПОДЛИННОЕ И ИСКУССТВЕННОЕ. ГРОМНАЯ киноиндустрия Японии, выпускающая ежегодно более пятисот полнометражных фильмов, испытывает недостаток оригинальных сценариев, страдает схематизмом, штампами при высоком развитии съемочной техники, несомненной профессиональности, даже в массовой продукции.

Достаточно привести несколько выписок из «сочинений» Ульфы Нильсона, чтобы увидеть, как некрассиво и беспечно он лжет, извращая действительное положение вещей. Он утверждает, что килограмм мяса в СССР стоит 60—70 рублей; что в России «совершенно невозможно купить мясной или дамский костюм дешевле, чем за 1 600 рублей»; «ботинки стоят 500 рублей пара»; «нейлона вообще нет», а рабочий «за всю жизнь едва может купить себе одно пальто».

Перед авторами фильма (сценарист Кишиоки Хасегава, режиссер Кудзи Сима) была поставлена задача — использовать в картине популярный во всем мире Венский хор мальчиков и талантливого юного слепого скрипача Такаэки Ваками. Как и большинство фильмов, посвященных музыкальным знаменитостям, «Независимая тропинка» — фильм вялого, банального сюжета, поверхностных характеристик. Он перегружен музыкальными номерами, исполняемыми по каждому поводу, а подчас и без повода.

Ульф Нильсон немного поедает по свету и знает, что повсеместно большие города растут вверх, что и вокруг его родного Стокгольма строится города-спутники. Но СССР — другое дело, здесь все из рук вон плохо, и что благо для одних, то худо для советских людей. Ведь иначе нужно было бы признать факт гигантского, беспримерного жилищного строительства в СССР, а значит, и наличие заботы о благе и удобствах граждан. А это как раз и запрещено, категорически запрещено г-ну Ульфу Нильсону. И что бы вы думали: Нильсон вывернулся — дешево, логично поймавшего на месте конкратра, но вывернулся. Оказывается, и переселение людей в новые, благоустроенные квартиры только подтверждает... отсутствие в СССР забот «об удобствах граждан». «То, что людям приходится продлевать больший путь на работу, — с лицемерным сочувствием пишет Ульф Нильсон, — или в

стающим презренным читал я статьи Ульфы Нильсона. И дело тут вовсе не в критике. Его критика смеющегося, безграмотная и вызывающая главным образом чувство неловкости за бездарного лакействующего журналиста. Картинным шулерам и газетным клеветникам не чужд инстинкт самосохранения. Поэтому г-н Нильсон нет-нет да и уронит в зловоние своих словес «предохранительную» фразу насчет того, что он приехал к нам, чтобы видеть и судиваться, что все «предубеждения оно оставил дома» и т. д. Но это маскировочные фразы, за ними — лжец, голый, утввертливый. Существо статей Ульфы Нильсона — в клевете на советский народ, на тех, кого он барски-покровительственно величает «средними Иванями», в клевете на нашу жизнь и великие идеалы коммунизма. «Осторожность, подозрительность, враждебность» — вот что якобы увидел в нашей стране Ульф Нильсон.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ. Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБИКОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.